

**О СИСТЕМЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
(ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, КОМПОНЕНТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ)**

*(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ.
Проект 04-06-80066а).*

В последние несколько десятилетий усилиями дагестанских исследователей, и особенно археологов, было показано, что Дагестан является страной с древнейшей и высокоразвитой земледельческой культурой (Х.О. Хашаев, В.Г. Котович, Р.М. Мунчаев, Х.А. Амирханов, М.Г. Гаджиев и др.).

Как известно, материалы Чохского неолитического поселения с абсолютной достоверностью показали его древние истоки. Многие элементы чохской культуры характеризуются определениями «первый», «впервые»: «наиболее ранняя для Кавказа керамика, древнейшие (!) для региона зерна окультуренных злаков, ... костные остатки уже одомашненных животных...», единственный в стране памятник, отражающий процесс вызревания неолитической культуры с производящей экономикой», наиболее древнее построенное жилище с каменной архитектурой и др. (5. С. 146–147; 7. С. 158–181, 205–208; 6. С. 20; 30. С. 22–31).

Дальнейшее развитие земледельческой культуры иллюстрирует неолитическое Гинчинское поселение, также единственный на Северном Кавказе «памятник раннего земледельческо-скотоводческого типа», в котором уже находятся изогнутые серпы, зернотерки, и, что особенно важно в аспекте нашей темы: во-первых, бороздящие орудия из рога (являющиеся, кстати, по мнению исследователей, основой для сложения грядильных орудий рального типа) (41. С. 157, 158), во-вторых, перебазирование земледелия на лиманы, приречные террасы (19. С. 9–10; 20 С. 55–56; 21. С. 34–41, 79–81), которое открывает возможности для радикального увеличения посевных площадей, урожайности, прогресса орудий обработки, и, особенно, использования тягловой силы, роста орошения и т.п. (47. С. 9; 10. С. 129; 44. С. 138–139). Однако вплоть до эпохи железа повороты в развитии земледельческой культуры (относительно системе земледелия) трудно прослеживаются. Железные же орудия не только способствовали увеличению обрабатываемых площадей, но и освоению лесных пространств и становлению подсечного земледелия. С этого времени мы можем с достаточной уверенностью говорить о переложном, лиманном и подсечном земледелии и в известной мере о соответствующих системах.

Но поскольку система земледелия почти не отражается в археологических памятниках и очень слабо описана (и даже зафиксирована) в письменных источниках (особенно ранних), их методическое полное описание и исследование возможно только с помощью тех источников и материалов, которые имелись в основном в XIX в. Особенно это касается этнографических исследований, которые главным образом связаны с документально фиксируемым полевым материалом, с визуальными наблюдениями (как самих этнографов, так и их респондентов).

Между тем изучение системы (как и типа) (50. С. 119, 121–122; 51. С. 52–53; 52. С. 70–71) земледелия важно (актуально) не только само по себе (главное организационное мероприятие земледельца по обеспечению урожая), но и с точки зрения ее взаимодействия и вхождения в более сложные историко-этнографические структуры.

При исследовании хозяйственно-культурных типов (ХКТ) – ареалов Дагестана и Северного Кавказа (54. С. 21–34) нами было отмечено, что основными образующими константами ХКТ являются тип земледелия, система земледелия и форма скотоводства как определяющие содержание и лицо хозяйства местности, региона (и образ жизни населения), являющегося в свою очередь структурно-конституирующей и связующей основой (базой, фундаментом, скелетом) ХКТ.

Однако ни одна из этих составляющих (тип, система земледелия, форма скотоводства) не были достаточно изучены (специально), и особенно незавидное положение сложилось в отношении их определений, формулировок и понятийного аппарата. Это обстоятельство (наряду с другими) побудило нас в свое время попытаться исследовать формы скотоводства и типы земледелия Дагестана, и особенно разработать

их определение (формулировку), понятийный аппарат, сущность и компонентное содержание (53. С. 3–24; 50. С. 119, 121–122).

Объективности ради отметим, что понятие «тип земледелия» отсутствует в этнографической литературе и введено нами. К этому нас привело то обстоятельство, что существенные компоненты земледельческой культуры, занимающие важное, порою первостепенное место в компонентном содержании и характеристике ХКТ, не имели в ней своего понятийного и терминологического места.

При этом они не подходили системе земледелия ни по существу, ни по содержанию, ни по соответствию компонентной структуре. Это способствовало и позволило выделить данную совокупность компонентов в отдельную группу, функциональные возможности (потенции) которых реализуются через систему земледелия и цикл земледельческих работ.

Другая особенность совокупности – объективная данность, отнесенность компонентов к изначальному довозделывательному периоду, это природное угодье и материальный предмет, представляющий собой предшествующий овеществленный труд человека (пахотное орудие).

Третья их черта – предметность, вещьность компонентов, представляющих собой средства производства земледельца двух видов – объект обработки, средство труда (угодье) и орудие производства, инструмент труда, обработки (пахотное орудие).

Исходя из сказанных побудительных причин мы выделили эту совокупность в группу, которую предложили назвать типом земледелия с такой формулировкой – совокупность объективно представленных основных взаимосвязанных средств производства земледельца (объект обработки – угодье, инструмент обработки – пахотное орудие), представляющих собой как природные данные, так и созданные (овеществленный труд человека) субстанции, с сопутствующей им (и совоздействующей, продуцирующей) экосистемой. Выбирая номинацию «тип земледелия», мы исходили из того, что поскольку речь идет о совокупности компонентов, объединенных общим местом в культуре и соединенных сущностными, функциональными и операциональными взаимодействиями, постольку определение «тип» более всего соответствует характеру номинируемой категории и поэтому предпочтительней других.

Структура типа земледелия позволяет четко разделять основные параметры типа и системы. В первом – предметная данность, материальные объекты, во второй – совокупность целенаправленных действий. Поэтому мы включили террасостроительство, ирригацию и подсеку в тип земледелия, памятуя, однако, о том, что на стадии задействия или при целенаправленном намерении земледельца воздействовать на плодородие почвы они являются и элементами системы земледелия.

Все же отметим, что вопрос о соотношении типа и системы земледелия довольно сложный (52. С. 70–71; 51. С. 51, 52–53.). Хотя удалось установить основной разделительный, разграничивающий их критерий (тип – комплекс вещных компонентов, система – совокупность мероприятий), объективно это очень тесно связанные элементы земледельческой культуры, порою настолько, что отдельное, оторванное исследование одного из них приводит к неверным заключениям, смешению их понятий и компонентного содержания. К тому же, как оказалось, научная традиция иногда довольно вольно обращалась с отдельными элементами земледельческой культуры, без особых на то оснований включая их именно в систему земледелия. Впрочем, этому есть объективное объяснение – ведь компоненты типа земледелия, поскольку не было и самого понятия типа, рассматривались изолированно, вне категориальной, классификационной или типологической принадлежности (соотнесенности).

Разграничение между обеими категориями облегчается (повторим) еще одной особенностью системы – в ней преобладает организационный момент, это не просто действия, это именно организационно-экономические и агротехнические (мелиоративные, технологические) мероприятия (8. С 160–162 сл.).

Казалось бы в отношении систем земледелия положение с определением, компонентным содержанием, разработкой классификации должно быть хотя бы относительно благополучно. Феномен этот изучается в науке, в т.ч. в этнографии, достаточно давно, но если в определении отдельных систем земледелия результаты и достижения вполне очевидны, то по части разработки общего понятия и определения этого элемента земледельческой культуры положение не столь определено.

В отечественной этнографической литературе не выработано четкого и общепризнанного определения системы земледелия, что обусловило и отсутствие единого согласованного перечня самих систем.

Эти обстоятельства были вызваны неопределенностью формулирования основной цели (назначения) системы, проистекавшей из двойственного характера феномена системы, являющегося одновременно и агрономической и организационно-экономической категорией. Это привело к трудностям при выявлении (выборе и определении) системообразующих критериев, т.е. базового признака, основания идентификации структуры феномена, его компонентного содержания. Все это и обусловило разные подходы к пониманию сущности системы, приведшие, в свою очередь, к разнобою в суждениях о них, размытости понятия и неясности в установлении компонентной структуры системы земледелия, определившей в свою очередь множественность и противоречивость мнений и положений о фактическом содержании системы как компонента культуры и соответственно несогласованность и противоречия в классификации систем.

Разработкой определения системы земледелия в основном занимались представители сельскохозяйственной науки, которые обращались к научной разработке сущности, понятия и интерпретации содержания системы и состава ее сущностных компонентов. Однако в советское время и эта проблема была излишне политизирована, вплоть до того, что в понятие системы земледелия пытались вложить, как в прокрустово ложе, и действия органов советской власти, не исключая и руководящей роли партии. Все это втискивалось в общем-то правильное положение о том, что система земледелия «является одновременно и агрономической, и организационно-экономической категорией». Правда, в самом перечне важнейших признаков (критериуме) мнения имеют самый противоречивый характер. Так, В.М. Слободин выдвигает на первый план прогресс земледельческой техники, совершенствование материально-технической базы. С.А. Воробьев, напротив, считает наиболее важной степень интенсивности использования сельскохозяйственных угодий, а Н.П. Макаров полагает, что важнейшим ингредиентом и признаком системы земледелия являются ведущие полевые культуры (8. С. 160 сл.).

Однако во всех определениях наблюдается бросающаяся в глаза тенденция (направленность, заданность) расширительного толкования системы земледелия, включения многих критериев и признаков, выдвижение громоздких, охватывающих немало политических и социальных аспектов и сторон формулировок. Наиболее удачной из всех определений аграрников нам представляется формулировка В.П. Нарциссова, у которого имеется и монография по системам земледелия (48), по которой система земледелия представляет собой «комплекс агротехнических, мелиоративных и организационных мероприятий по наиболее продуктивному и рациональному сельскохозяйственному использованию земли, повышению ее плодородия и улучшению условий развития посевов» (8. С. 160). Но даже в этом далеко не самом всеобъемлющем и громоздком определении проглядывает стремление охватить многие стороны, ничего не упустить.

Иные подходы демонстрируют в понимании системы земледелия этнографы.

Однако, отметим, что в кавказоведческой литературе, в том числе посвященной специально земледелию, нередко опускают вопрос о содержании в сущности системы и сразу переходят к вопросу о распространенности разных систем, причем, поскольку предмет исследования четко не определен, перечни бытующих в том или ином регионе (районе, области) систем и даже перечни вообще имеющихся в земледельческой практике систем земледелия оказываются различающимися (неодинаковыми) у разных авторов.

Так, например, в капитальной работе Б.А. Калоева по земледелию народов Северного Кавказа в главе «Системы земледелия» автор сразу приступает к перечню бытующих в регионе систем земледелия (переложно-залежная, подсечная, паровая, чередование культур) и их описанию, не затрагивая вопроса о том, что входит в понятие системы и каково ее определение (34. С. 61 сл.).

В весьма обстоятельном разделе «Земледелие» известного кавказоведа В.К. Гарданова, написанном квалифицированно и с привлечением большого фактического материала, также не сделана попытка сформулировать свое понимание и определение системы земледелия, и нет даже их выделенного перечня (24. С. 61 сл.). Отсутствует перечень систем земледелия и во многих других этнографических работах по Кавказу, как специально посвященных земледелию, так и имеющих отведенные ему разделы (42. С. 12 сл.; 33. С. 79 сл. и др.).

Так, например, в сводной «Истории народов Северного Кавказа», в разделе, посвященном земледелию XVIII в., также нет общего перечня систем земледелия, а лишь упоминается переложно-залежная система, господствовавшая, по словам автора, у кабардинцев и других адыгских народов, трехпольная, иногда двухпольная система в

Дагестане, перелог иногда в Кумыкии, и, разумеется, террасное земледелие в Чечне, Осетии, Ингушетии и особенно в Дагестане; имеется упоминание о «подсечной системе интенсивного земледелия» в предгорьях и горных местностях, в частности у западных адыгов, о поливном земледелии в речных долинах. В Дагестане отмечены трехполье, чередование культур и, разумеется, террасостроительство (отметим, что даже в такой капитальной работе, для выполнения которой объединены лучшие научные силы народов Северного Кавказа и головных научных центров, пахотное орудие горцев Кавказа названо «деревянной сохой» (31. С. 376, 378–379).

По поводу сказанного в этой фундаментальной работе хотелось бы сделать одно замечание. В ней, как и во многих работах, касающихся земледелия, в котором бытует (практикуется) террасостроительство, о нем говорят как о системе земледелия. Словосочетание «террасная система земледелия» вполне обычно в литературе (например, у Б.А. Калоева – «эта система земледелия здесь по сравнению с Дагестаном не достигла большого развития», «о широком распространении этой системы земледелия в прошлом по всей нагорной полосе региона» – речь идет о Северном Кавказе; «этой системой земледелия «называет» агрикультурное террасирование в Дагестане» и М.А. Агларов)» (34. С. 63; 2. С. 47). Полагаем, что подобные характеристики связаны с неразработанностью определения системы земледелия, а также отсутствием понятия «тип земледелия», которое во многом помогло бы более четкому осмыслению и упорядочению систематики, классификации и типологии в вопросах земледелия, уточнению номинации, терминологии (о террасостроительстве как разновидности типа земледелия см. нашу статью (50. С. 122–123).

Примерно такое же положение относительно определения системы мы наблюдаем и в работах, затрагивающих земледелие Дагестана. Один из первых дагестанских этнографов, Х.О. Хашаев, описывая земледелие Дагестана, говорит о залежной и двух-трехпольных системах земледелия на плоскости, а в земледелии горной части описывает только террасное земледелие (65. С. 80сл.).

Другой маститый этнограф – С.Ш. Гаджиева, в описании земледелия кумыков, жителей равнины, также дает только перечень систем – пар, переложная система, чередование культур (22. С. 62–63). С.С. Агаширинова отмечает у лезгин паровую систему с двухпольным или трехпольным севооборотом и, разумеется, террасное земледелие (1. С. 30–31); в земледелии аварцев М.М. Ихиллов констатирует двухпольный и в меньшей степени трехпольный и однопольный севообороты без пара и развитое террасное земледелие (46. С. 27).

У лакцев А.Г. Булатова находит, как и все авторы, пишущие о народах горного Дагестана, террасное земледелие и трехпольную систему с паром (15. С. 47–48) и чередование культур (16. С. 126). Очень коротко сказано о системах земледелия и в коллективной работе, посвященной истории и этнографии агулов (система земледелия «близка к трехпольной», пар, чередование культур) (3. С. 49). Справедливости ради отметим, что и в нашем описании земледелия даргинцев имеется лишь перечень систем – пар, перелог, плодосмен, севооборот, интерпретации же понятия системы земледелия нет и здесь (23. С. 22 сл.).

Несколько лучше обстоит положение в Закавказье, особенно у представителей грузинской этнографической школы, которые предложили ряд определений системы земледелия. Одно из развернутых, даже очень детализированных определений принадлежит пытливому и квалифицированному специалисту М.В. Кантария. Но в ее определении, в котором система земледелия объявляется формой земледелия, а подсека вместе с обработкой почвы – технологией, имеются неясности и противоречия. Под технологией она понимает способы и средства, которыми осуществляется форма (система) земледелия, т.е. то, что обычно принято называть работами земледельческого цикла. И потом, и она не избежала общего заблуждения кавказской этнографии относительно террасостроительства – «террасная система земледелия является древнейшим достижением культуры человечества» (35. С. 41, 44), относя его к системе земледелия. Приведем один пример неудачного, громоздкого и запутанного определения: «Система земледелия в Месхети, представляющая сумму рационального труда человека в конкретных природно-хозяйственных условиях. Отдельные компоненты этой системы – почвы, сорта зерновых, производственные навыки, орудия труда, формы организации труда и производственные отношения, рациональные и иррациональные мероприятия в совокупности составляющие целостную систему земледелия». Очень подробно, но совершенно бессистемно (12. С. 21). Более взвешенные определения мы находим у азербайджанских исследователей. Так, например, Г.А. Гулиев, констатировав

многообразии систем, добавляет, что все они «служили восстановлению производительности почвы и рациональному использованию земли» (27. С. 22).

Примерно такой же точки зрения придерживается и Г.Д. Джавадов: «Правила пользования почвой, агротехнические меры, применяемые для повышения производительности почвы с сохранением ее плодородия, и составляют земледельческие системы» (28. С. 32) – одно из адекватных, наверное, определений.

Такое малое внимание кавказоведов к определению системы, ее содержанию и классификации необъяснимо особенно для грузинской этнографической школы, характеризующейся не только высоким научным исследовательским уровнем, но и тщательностью и скрупулезностью этнографических изысканий. Возможно, кавказоведы полагали, что система земледелия не объект и не тема для этнографических поисков, что в той или иной мере, в какой она представляет интерес для этнографии, она уже изучена, разработана на базе восточно-европейской земледельческой культуры, и надо лишь там, где это необходимо, пользоваться плодами этого изучения.

Однако и в русской этнографической литературе системе, вернее ее определению и компонентному содержанию, уделяется немного внимания. Даже в работах Д. Зеленина, крупнейшего специалиста аграрной истории России, в которых подробнейшим образом расписаны системы земледелия в России, их распространение, перечень, эволюция и т.п., нет определения и аргументированной, основанной на четких, обоснованных критериях классификации систем (29. С. 37–39 и др.). Незаконченно и поэтому неясно выглядит определение системы земледелия у патриарха отечественной этнографии С.А. Токарева: «Под системами земледелия разумеются различные способы использования земли под посевы растений», и никакой классификации, просто перечисляются подсечно-огневое хозяйство, переложная (или залежная), паровая, трехпольная системы, многополье и плодосмен (64. С. 37–38). А у В.М. Суринова в структуре и компонентах систем наиболее важным признается соотношение территориальных возможностей земледелия и численности населения, т.е. на первый план выступает демографический фактор (62. С. 52). Приведем одно из наиболее удачных в научном отношении определений из историко-этнографического атласа «Русские» (Л.М. Сабуровой): «Под системами земледелия мы понимаем комплекс агротехнических мероприятий, направленных на поддержание и повышение плодородия почвы. Системы земледелия тесно связаны с уровнем развития производительных сил, природными и экономическими условиями и изменяются с изменением способов общественного производства» (57. С. 17). Таким образом, в определении указано главное в системе – воздействие на плодородие почвы, остальное можно считать в известном смысле данью времени.

Однако в вышедшей сравнительно недавно капитальной работе с тем же названием «Русские» (автор раздела И.В. Власова) мы не смогли найти в соответствующем разделе определения системы, хотя сами системы (по автору – паровая, лесопольная, залежная) выписаны довольно тщательно и подробно (18. С. 164–174).

Одно из самых адекватных, как нам кажется, определений системы земледелия принадлежит известному знатоку земледельческой культуры Ю.А. Краснову: «совокупность организационных и агротехнических мероприятий, направленных на использование, поддержание и повышение плодородия почвы» (40. С. 9).

Определение достаточно справедливое и привлекает своей краткостью и четкостью. Несколько неожиданным выглядит в комплексе мероприятий (т.е. действий) неопределенное по содержанию словосочетание «использование плодородия почвы». Однако это вполне закономерно, и оно не случайно стоит на первом месте. Ведь «использование плодородия» и есть пространственно-временное (посезонное, годовое) варьирование использования пахотоспособных угодий (о котором ниже).

И, наконец, лаконичное классическое определение системы земледелия А. Шенникова: «совокупность мероприятий по восстановлению плодородия почвы земледельческих угодий» (69. С. 4).

Он против расширенных определений, считает «главным классификационным признаком ... способ восстановления плодородия», остальное (орошение, пар, состав культур и др.) отвергается, оно не входит в понятие системы (подробнее об этом мы скажем ниже).

В связи с рассмотренными вопросами о содержании системы земледелия возникает также вопрос о вхождении (включении) в нее, например, подсеки или террасостроительства.

Если вспомнить, что главным в системе земледелия является стремление изменить состояние плодородия почвы, то подсека является элементом системы. Однако в

земледельческой практике народов мира, и в частности в Дагестане, не исключаются случаи, когда подсека преследовала цель просто увеличить площадь пахотных угодий, и основная часть древесины даже не сжигается на месте, а вывозится как строительный материал. Операция эта, например, у даргинцев, называлась «оголением» (чІанкІ барес) и имела вполне определенную цель – увеличение площади обрабатываемых угодий с одновременным добыванием строительного леса. То есть в данном случае операция, как кажется, не имеет отношения к системе земледелия, она лишь представляет земледельцу определенное угодье, на котором он начинает земледельческую обработку, в том числе применяет определенную систему земледелия (например, пар, перелог, трехполье и др.).

Примерно таково и положение с террасным земледелием. Сложилось такое положение, что оно или включается в перечень систем земледелия или же описывается как бы нейтрально, без отнесения к системе, как нечто данное, пусть даже подготовленное, но не имеющее определенного места в системе понятий и категорий земледелия. Однако еще больше, чем в некоторых случаях подсеки, террасостроительство связано с попытками увеличить обрабатываемую площадь и к поднятию плодородия имеет лишь косвенное отношение, или повышение плодородности является как бы дополнительным, сопутствующим результатом операции по увеличению площади угодий, прямого отношения к восстановлению плодородия почвы не имеющей.

Поэтому, если вопрос о подсеке, о том, является ли она типом или системой земледелия, может решаться в каждом конкретном случае отдельно, то с террасостроительством вопрос более определен, ясен – оно по существу является мероприятием, предпринимаемым земледельцами в трудных условиях горного земледелия для увеличения площади пахотоспособных угодий. Однако выяснение вопроса о том, что это не является действием по поднятию плодородия почвы, не решает вопроса о том, что же это такое на самом деле, к какому из мероприятий или компонентов земледельческой структуры, его содержания можно отнести приращение площадей путем террасостроительства.

Обратимся к параллелям. На равнине постоянно происходит рост пахотных угодий за счет распашки целины, но если это не длительная залежь, находившаяся в земледельческом севообороте, никто не будет считать эту распашку действием по восстановлению плодородия, элементом системы земледелия, так как это не специальное агротехническое действие для поднятия плодородия и увеличения урожая, а мероприятие, должностное увеличить площадь обрабатываемых угодий и носящее поэтому и относительно социальный характер. Поэтому задача заключается в том, чтобы как бы выделить критерии, признаки, по которым можно было бы определить (установить) компонентный состав системы земледелия, установить, какие из элементов земледелия, включая его производительные силы, производственные средства, совокупность земледельческих действий и мероприятий, можно к ней отнести. В основном направление отбора признаков, особенностей, которые должны составить ее содержание, представляется более или менее определенным (хотя есть еще неясности, нерешенные вопросы). Все что является улучшающим плодородие почвы, представляет собой объект или действие, способствующее этому, и содержит в себе хотя бы намерение, цель осуществить подобную земледельческую акцию – все это, независимо от того, имела ли акция целенаправленный характер или же просто послужила восстановлению плодородия почвы, может считаться элементом или компонентом системы. Если тип земледелия дает средства труда и орудия производства, система земледелия намечает средства, пути и формы наилучшего использования этих компонентов типа земледелия, обеспечивающих наилучший конечный результат.

Система земледелия определяет, какими способами использовать те или иные угодья, как извлечь из имеющихся угодий (средства труда), используя максимально продуктивно наличные земледельческие орудия, наибольший конечный результат, применяя при этом и разные комбинации использования угодий, и разные способы подготовки и обработки земли, и всевозможные средства. Одновременно ставится и задача не испортить имеющиеся угодья, не истощить их, сохранить для использования и в будущем по своему назначению, т.е. для получения максимально возможного количества продукции и сырья. При этом учтем, что не все общепризнанные системы земледелия именно восстанавливают плодородие (т.е. восполняют утерянное, утраченное, истощившееся), они просто пополняют площади, резерв плодородных, неистощенных угодий (целина, залежь, подсека, терраса).

Попытаемся предварительно выйти на исходные методологические позиции, предложить собственное понимание системы и интерпретацию имеющихся определений

и формулировок относительно сущности и содержания компонентного состава и критериума особенностей (признаков) системы.

На первый взгляд это менее затруднительно, чем проблема типа земледелия. Во-первых, имеется давно сложившееся в практике и литературе понятие системы и ее определение. Во-вторых, имеется много описаний системы, отдельных терминологических разработок и классификаций, и это, естественно, представляет неплохие стартовые возможности и исследовательский фон для дальнейших изысканий.

К сожалению, эти плюсы проблемы в известной мере являются и минусами, т.к. порождают новые вопросы и неясности, разночтения и трудности, связанные с несовпадением определений, нечеткостью, а порой и множественностью или противоречивостью оснований классификации, приводящих, в свою очередь, и к недостаточной аргументированности и несовпадением в самих классификациях, и большому разнообразию перечней систем земледелия.

Постараемся уяснить, уточнить критерии классификации систем земледелия и тем самым определить их компонентную структуру, четко отделяющую их от других категорий земледельческой культуры.

Для этого обратимся сначала к некоторым аспектам определений, в наибольшей степени отражающих позиции отечественной этнографии, А.А. Шенникова, Я.В. Чеснова, Г.А. Джавадова и др.

Определение А. А. Шенникова является наиболее характерным для этнографической науки, и что важно – четким и недвусмысленным по содержанию. В нем отчетливо выражена основная мысль, главное основание классификации, и на этом едином основании производится типизация, не допускающая разночтений и отклонений. При этом, что представляется нам особенно важным, он решительно выступает против расширительных толкований ученых-сельскохозяйственников и отдельных этнографов.

Главная идея и основание классификации А.А. Шенникова – действия по восстановлению плодородия. Надо отметить, что от этого единого основания А.А. Шенников не отступает, в последовательности, даже жесткой, ему не откажешь.

В позиции Я.В. Чеснова основная идея заключается в том, что принятое этнографами определение системы земледелия «как суммы агротехнических мероприятий, направленных на поддержание и увеличение плодородия почвы, – узко». Подчеркнув, что основанная на этом признаке и принятая у нас классификация систем земледелия (подсечно-огневая, залежная, паровая, плодосменная) построена на восточно-европейском материале и отражает поступательное развитие земледелия в этом районе» (66. С. 69), он призывает рассматривать системы земледелия с учетом «исторических традиций земледелия, его географического разнообразия, демографических факторов и, самое главное, социальных условий» (66. С. 70). Конкретно он называет, в частности, особенности орошения, демографическую ситуацию, социальное неравенство земледельцев, считает, что система земледелия как исторически сложившийся феномен обнаруживает черты «единообразия и устойчивости во времени и пространстве, что проявляется, в частности, в сохранении консервативных традиционных черт даже вопреки экологической целесообразности» (66. С. 69). Таким образом, признавая основной признак системы – действия по восстановлению (или увеличению) плодородия, Я.В. Чеснов предлагает учитывать при этом историческую и культурную традицию, локальную географию, демографическую и социальную ситуацию. Правда, разработанного определения он не предлагает, и эта совокупность дополнительных факторов остается на уровне пожеланий. В дальнейшем мы попытаемся рассмотреть эти факторы в конкретных ситуациях определения понятия и содержания системы земледелия. Отметим только, что у Я.В. Чеснова не совсем совпадает с шенниковским пункт о воздействии на плодородие почвы. Если у первого речь шла о восстановлении плодородия, то у Я.В. Чеснова говорится о поддержании и увеличении плодородия. Об этом тоже нам придется вспомнить при уточнении единого основания классификации. В связи с этим вспомним и об определении системы, предложенном Г.Д. Джавадовым. Оно одно из последних, и есть смысл остановиться на его нюансах. Г.Д. Джавадов называет системой «правила пользования почвой, агротехнические меры, применяемые для повышения производительности почвы с сохранением ее плодородия» (28. С. 32). Возможно, в определении сказались погрешности перевода, т.к. в начале предложения более уместно будет сказать «правила пользования землей», а дальше действительно речь должна идти о почве. Таким образом, в этой формулировке меняются целевые акценты действий – повышается производительность, а плодородие только сохраняется, но вот «правила пользования землей» – это, по-видимому, именно то, что входит в содержание

системы земледелия. Вместе с тем автор считает необходимым добавить, что «правила обработки почвы порождались общественно-экономической структурой эпохи», что немалую роль в развитии систем играли «естественно-географические условия и почвенный покров». Бесспорно, справедливым является замечание автора, что народный опыт и развитие сельскохозяйственной науки «требуют, чтобы земледельческие системы соответствовали конкретным условиям каждого региона, каждой зоны» (28. С. 33).

И, наконец, приведем определение, которое, как и формулировка из сельскохозяйственного энциклопедического словаря для представителей сельскохозяйственной науки, является как бы обобщающим и для этнографической науки. Речь идет об определении из свода этнографических понятий и терминов. Оно довольно лаконично и звучит вполне обнадеживающе: «... характер и степень интенсивности использования земли, методы восстановления и повышения плодородия почвы» (58. С. 43). Пока, на первый взгляд, эта формулировка представляется более удачной. Так ли это на самом деле, покажет сравнительный анализ формулировок и их содержание, но объединенные в этом определении моменты – характер использования земли, восстановление и повышение плодородия – представляются наиболее универсальными и строго отграниченными, замкнутыми именно на системе земледелия, т.е. на том комплексе (или совокупности) мероприятий, который мы, еще не установив точно их перечня, называем системой земледелия.

Дальнейшая часть нашей задачи будет более сложной. С одной стороны, мы имеем сложившееся представление о совокупности действий земледельцев, имеющих целью наилучшим способом использовать свои имеющиеся ресурсы, средства производства для получения хороших результатов своей земледельческой работы, не навредив им при этом, не истощив потенциальные возможности этих средств, в первую очередь угодий. Эта совокупность действий получила определенное место и номинацию в земледельческой отрасли, и нет никаких оснований менять ни нарицательное наименование (определение) совокупности, ни названий его разновидностей, классифицированных по набору и сочетанию отдельных действий.

Однако между существующими в практике и народной (и отчасти книжной) номинациями (терминологии) систем, с одной стороны, и научным толкованием этого феномена - с другой, сложились несоответствия, противоречия. Кроме того, имеют место быть несогласованность и даже прямо противоположные мнения относительно содержания понятия, системообразующих критериев и соответственно перечня самих систем.

По-видимому, положение с уточнением содержания понятия и перечня самих систем надо будет постараться решить с помощью четкого выделения признаков-критериев на фоне (и базе) существующих в земледельческой и научной практике самих систем земледелия, по возможности не затрагивая существующих номинаций, лишь уточняя степень соответствия как общего названия (определения), так и наименований отдельных систем, общей заданности системы земледелия как земледельческого действия с определенно поставленной целью.

Для этого, не вступая в область догадок и предположений, надо попытаться уяснить себе, какую же цель преследовал земледелец, занимаясь всеми этими мероприятиями, касающимися в основном способов использования имеющихся пахотоспособных угодий. Речь не идет об общей, конечной цели. Тут все ясно - получить возможно больший урожай, больше конечного продукта. Речь идет, например, о том, какого конкретного результата добивался земледелец, оставляя землю под перелог или пар, ведь конечный результат в этом случае не улучшается, он даже что-то теряет, имея в виду объем урожая, получение продукта в ближайшей перспективе. Ответ напрашивается вполне определенный: любая система земледелия складывалась не один год, и потом, происходила эволюция, одна система сменялась другой, и в этой системе играли свою роль также и демографические, экономические и социальные факторы. Когда земледелец переходит от интенсивного «сплошного» земледелия к такому, при котором он вместо многолетней распашки имеющихся угодий, созданных подсекой или освоением целины, начинает предоставлять «отдых» своим участкам с тем, чтобы через определенный промежуток времени снова к ним вернуться (если нет массивов целины или леса для почти бесконечного освоения), тогда (с этого времени), совершенно явственно проглядывает цель земледельца в комбинаторике пользования своими пахотоспособными угодьями - он хочет восстановить плодородие почвы, сделать ее такой же, какой она была при первоначальной распашке. А что это достигается именно подобным образом, ему должен был подсказать его собственный опыт земледельца. Длительность отдыха,

применение других способов, например, многополья, могли ставить и другую задачу – сохранить плодородие.

Обратим внимание – земледелец пока что не предпринимает никаких специальных действий, он только манипулирует наличными пахотоспособными участками, он придумывает разные комбинации их использования.

Таким образом, оказывается, что применяется определенная система использования пахотных угодий для того, чтобы восстановить или сохранить плодородие почвы этих угодий. Естественно, что в ходе такого манипулирования земледелец мог произвести и такие действия, которые призваны повысить плодородие. В процессе осуществления разных комбинаций с землей (участками), призванных сохранить и особенно восстановить плодородие, вполне может возникнуть ситуация, при которой стирается грань между «сохранить» и «восстановить» – с одной стороны, и «повысить» – с другой. Так мы приходим к положению, что система земледелия заключается в определенных способах (методах) использования пахотоспособных угодий с целью сохранить, восстановить, повысить плодородие их почв.

Теперь подходит очередь важного вопроса о действиях земледельца, имеющих отношение к плодородию (или производительности) почвы, т.е. о конкретных производственных операциях. Но эти операции должны быть связаны с теми способами комбинаций и манипуляций с участками угодий, которые призваны воздействовать на состояние плодородия почвы, т.е. они должны выступать как взаимосвязанные способы (методы) восстановления (сохранения, повышения) плодородия почвы.

Поскольку основной операцией является методика (способы) и степень интенсивности использования земли для воздействия на плодородие, то остальные дополнительные действия не должны выходить за эти обозначенные пределы, в частности, они не должны вторгаться в сферу земледелия, обозначенную как земледельческий цикл и являющуюся технологической реализацией главной задачи земледелия – возделывания культурных растений для получения урожая, т.е. продуктов для земледельца.

Будет целесообразным, если, имея в виду высказанное выше положение о взаимосвязанности мероприятий по осуществлению системы, начать с тех из них, которые сущностно, по своему содержанию, функциональному назначению органически взаимосвязаны с операциями по варьированию использования земель для воздействия на плодородие угодий. В этом плане очень большое значение А.А. Шенников придает удобрению почвы, столь большое, что в зависимость от этой операции ставит само существование системы земледелия, классификацию ее разновидностей. Поэтому, например, он делит системы на три группы: 1) переложные, 2) с удобрением и 3) их комбинации. По этим же мотивам он не признает за систему севооборот, если последний не сопряжен с удобрением и перелогом (69. С. 5). В принципе он прав, ведь удобрение непосредственно влияет на состояние плодородия почвы, оно является одним из важнейших ингредиентов земледельческой структуры, что признается почти всеми исследователями (и практиками, разумеется). Таким образом, первым из мероприятий, имеющих производственный характер и предусматривающих не просто варьирование использования угодий, а активное вмешательство человека в земледельческий процесс, в технологию производства, органически включенным в компонентную структуру системы земледелия, по справедливости оказывается удобрение почвы.

Однородность сущностного содержания и заданности удобрения с главным содержанием системы земледелия, обращенной на улучшение состояния плодородия почвы, делает это предпочтение оправданным. И если даже не быть столь категоричным, как А. Шенников, и не заходить столь далеко, как он, следует признать, что в структуре системы земледелия, ее содержании, вариативности, системодифференцирующих возможностях удобрению принадлежит одно из важных мест. Поэтому этот компонент земледелия должен занять одно из важных мест в типологической структуре системы земледелия как по своему содержанию, так и дифференцирующей (и интегрирующей) роли и значению. Вспомним, к каким только ухищрениям не прибегали земледельцы, чтобы найти средства и способы для максимального удобрения почвы. Пытливый исследователь хозяйства Кавказа А. Калантар, отмечая, что на Кавказе удобрение почвы не было развито (имея в виду, по-видимому, большую распространенность на Северном Кавказе и Закавказье залежи и подсеки. – М.О.), однако в конце замечает: «Но есть одна полоса, довольно обширная, где естественные и культурные условия местности давно вынудили население дорожить удобрительным значением навоза для садов и пашен, это нагорная полоса Дагестанской области и прилегающей к ней с запада Грузии... Удобрение

земли в Дагестане настолько важно местами, что им только и обуславливается земледелие» (32. С. 28).

Нам уже приходилось говорить о трудно разрешимой дилемме с делом удобрения в горном Дагестане. С одной стороны - почвы слабые, нередко скелетные, каменистые, с тонким гумусным слоем, и регулярная подкормка их удобрением представляла собой важную, даже суровую необходимость. С другой стороны, почти совершенное отсутствие лесов и соответственно отсутствие источников топлива вынуждали большую часть навоза, главного источника удобрения, употреблять на топливо (кизяк). В вечной борьбе над решением этой трудно разрешимой задачи и билась горца, ибо оба элемента жизни, зависящие от решения этой проблемы, были одинаково важны. Разумеется, хлеб важнее и нужнее, но его можно прикупить, если есть другие источники производства, могущие дать продукцию для обмена на хлеб. Далее, хлеб надо или сварить (хинкал), или испечь (чурек), человек должен обогреться хотя бы во время приема пищи, и время от времени в течение холодного дня. Эффективным средством удобрения был постой овец, и своих, и чужих (за определенную плату). Если оставить достаточно времени и побольше числом отару овец (например, в 300 голов) и за время пребывания на участке перегонять отару с места на место (участок в одну меру посева), то этот участок можно засеять без дополнительных удобрительных мер 3 года.

Однако такой способ удобрения был доступен далеко не всем, поскольку требовал наличия в хозяйстве значительного числа овец или дополнительных расходов. Те хозяева, которым остальные эффективные меры не были доступны, довольствовались выбросами из туалета, которые каждый день присыпались золой и домашним мусором.

В связи с этим средством удобрения позволим себе высказать некоторые соображения, навеянные нашими наблюдениями над средствами и способами удобрения в сельскохозяйственных и скотоводческих селениях. Хотя некоторые скептики из городских жителей позволяют себе подтрунивать и даже насмехаться над тем, что в отдельных местах высокогорья нет отхожих мест, позволим себе вспомнить, что даже в цивилизованной Европе, в ее прославленных своими университетами и просвещением городах отхожие места появились весьма поздно, и, как нам представляется, идея таких мест принадлежала, скорее всего, сельским жителям-земледельцам, и связано это было с изысканием новых средств удобрения. Вот что пишет по этому поводу один из крупнейших знатоков, специалистов по истории экономики и бытовой культуры Фернан Бродель: «Квартиры не всегда имели уборную на английский лад, а ведь она была изобретена Джоном Харрингтоном в 1596 г. А ночные горшки продолжали выливать в окна, как это было всегда: улицы представляли собой клоаки» (14. С. 130).

В ходе экспедиционных наблюдений в горных и высокогорных селениях Дагестана, характеризующихся как развитостью сельскохозяйственного хозяйства, так и подавляющим господством скотоводческой отрасли, мы отметили весьма характерные детали хозяйствования и домашнего быта.

В аулах с развитым скотоводством и, значит, с обилием навоза, незначительностью пахотных угодий, и, следовательно, мало нуждающихся в удобрениях (независимо от того, удовлетворяются ли потребности в топливе за счет кизяка или дров из леса), отсутствует традиция устройства туалетов или хотя бы простых отхожих мест.

Зато в более сельскохозяйственных местах, где большая часть навоза уходила на кизяк, имеются отхожие места, где копят экскременты, постоянно присыпаемые золой, сметенной пылью и мелким (и мягким) мусором, органическими остатками и пр., которые со временем сгнивали, увеличивая массу перегноя. Вначале это просто отведенное место, потом появляются камни, потом дыра-очко на крыше навеса, нередко между штабелями дров и кизяка, и последний этап - появление на этом месте будки с очком, накопление происходит внизу. Иногда это различие бывает довольно отчетливым, и для того, чтобы сразу же определить преобладающую отрасль занятий (земледелие или скотоводство), достаточно бывает поинтересоваться, какое положение существует в ауле в этом отношении.

Как говорилось, большинство исследователей согласны с тем, что содержанием системы земледелия является воздействие на плодородие почвы. Однако в наиболее четкой и категоричной форме эта мысль отражена, как указывалось, в формулировке А.А. Шенникова: система земледелия – «совокупность мероприятий по восстановлению плодородия почвы сельскохозяйственных угодий». (69. С. 4). Все другое автор решительно отвергает – классификацию по орудиям механической обработки (мотыжное, плужное), по числу полей, находящихся в обороте (например, трехполье, причем сам термин «трехпольная система» он называет «безграмотным»), севооборот (если он без удобрения

и перелога), водный режим (орошение), борьбу с сорняками, состав культур, даже «его величество» пар категорически отвергается, т.к. классификации «по признакам, не связанным с восстановлением плодородия, пригодны лишь для выделения второстепенных разновидностей» (69. С. 5). Паровая обработка отвергается потому, что она «лишь замедляет падение плодородия», а восстанавливает лишь в сочетании с удобрением или перелогом. «Главная задача пара – борьба с сорняками и накопление влаги в почве» (69. С. 5). Однако один из главных выводов А. Шенникова о том, что система земледелия – «элемент технологии, ее эволюция не связана ни с развитием механической обработки земли, ни со сменой социально-экономических формаций» (69. С. 5), представляется нам вполне логичным и правомерным.

Тем не менее жесткая позиция автора в отношении градулированности воздействия на плодородие почвы (восстановление) суживает целевое содержание системы земледелия. Ведь в литературе, и в сельскохозяйственной, и в этнографической, и просто в русском языке, быту, обиходе прочно утвердились такие понятия, как паровая система, или трехполье.

Послушаем специалистов сельского хозяйства: пар – «поле севооборота, не занимаемое посевами в течение всего (или части) вегетационного периода и содержащееся в рыхлом и чистом от сорняков состоянии». Эффективное агротехническое средство накопления в почве влаги, повышения ее плодородия (!), борьбы с сорняками, увеличения урожайности всех культур, севооборота. Чистый пар свободен в течение всего вегетационного периода. Его появление связано «с переходом от переложной системы земледелия к паровой» (59. С. 376). Примерно такое понимание сущности паровой системы предлагают и армянские исследователи: «Задачи парования – очищение полей от сорной растительности и ее семян, а также накопление влаги и питательных (!) веществ в почве» (60. С. 135). Более того, специалисты выделяют еще «паровую зерновую систему земледелия», причем типичным для нее в России названо трехполье (!) – пар, озимые, яровые.

Кроме названного чистого пара еще существует черный пар, ранний чистый пар, занятой пар и др. Наиболее характерными, распространенными для докапиталистической России названы паровая зерновая система земледелия и многопольно-травяная (выгонная) система (59. С. 260, 378, 502, 596-597) (в Дагестане – переложная, двухпольная общесельская).

Да и сам автор, объясняя в другой работе рост стойлового содержания скота, связывает его с ростом потребности в навозе, вызванном «развитием паровой (!) системы земледелия», а главная причина «роста паровой системы» в увеличении плотности населения (70. С. 76).

Что это не случайная оговорка, подтверждается его утверждением еще в одной статье, в которой он связывает «распространение стойлового содержания» с потребностью в интенсификации земледелия, распространением паровой системы земледелия (!) и трехполья (!). Таким образом, в классификацию систем нельзя включать ни паровую систему, ни тем более трехполье (по его словам термин «трехпольная система» – безграмотен), но в тексте именно они – паровая система земледелия и трехполье – являются двигателями и выразителями интенсификации и прогресса земледелия (72. С. 104).

Следовательно, паровая система по А. Шенникову существует, но только если пар сочетается с перелогом или удобрением. Однако сорняки, уничтоженные вспашкой, - это удобрение, они гниют, превращаясь в ту же органику. Если нет возможности для второй вспашки – на паровое поле пускают скот. Он уничтожает истощающую почву сорняк и возвращает почве в виде навоза это сопутствующее стихийное удобрение. Далее, землелашец при малейшей возможности перепахивает паровое поле. Для чего? Одно ясно – для уничтожения сорняков. Но не только. Мы указывали раньше, что в Дагестане это был очень распространенный прием повышения плодородия почвы. Акад. Н.И. Вавилов указывал, что летнее перепахивание с высушиванием, даже прокаливанием почвы на солнце служит одним из средств повышения плодородия почвы в засушливых местах (17. С. 180).

Этот способ отмечен и в древнем земледелии. Известный отечественный археолог В.М. Массой отмечает его, ссылаясь на еще более известного Г. Кларка, который назвал этот способ «средиземноморским». Способ имел «главной целью сохранение влаги в почве во время летней засухи» и заключался в частом рыхлении земли, обычно в ее частой вспашке» (45. С. 54). Многократное перепахивание как средство уничтожения сорняков и сохранения влаги при последующей засухе, способствующее

«высокоурожайности посевов», рассматривает и грузинский агроэтнограф Н.А. Брегадзе (13. С. 76). Но оказывается, такое перепахивание делалось и не в столь засушливой Европе, где «считалось, что повторные вспашки проветривают почву, избавляют ее от сорной травы и подготавливают обильный урожай ... Документы говорят даже о семи вспашках, включая и предпосевные» (совсем как в Дагестане. – М.О.). В XIV в. в Англии производили три вспашки (весной, осенью и зимой), в 1328 г. в Артуа (Франция) – четыре (одна зимой и три летом), в 1648 г. в Чехии – четыре (под пшеницу) и три раза (под рожь) (14. С. 130). Современный грузинский исследователь Л.К. Бериашвили, констатируя в Грузии многократную вспашку, замечает: «Многократная обработка земли обеспечивала высокий урожай и предотвращала появление сорных трав» (12. С. 15).

Многократные вспашки парового поля отмечены и в Азербайджане – 3–4 раза за время нахождения поля под паром (39. С. 347; 74. С. 484).

Добавим к этому, что номинация «пар», «паровая обработка», как и номинация «перелог», «залежь», существует у многих земледельческих народов, причем обратим внимание на такой нюанс: номинации «пар» и «перелог» считаются в дагестанских языках однопорядковыми элементами и в некоторых из них взаимозаменяемы (перелог – годовой пар; пар – летний перелог).

И, наконец, то, о чем говорит и сам А. Шенников, – пару нередко сопутствует, комбинируется с ним, сочетается и удобрение, и перелог. Если бы пар не увеличивал накопительную силу перелога в качестве аккумулятора удобрения и повышения плодородия, разве дагестанский горец стал бы, преодолевая огромные трудности как физического, так и экономического характера, встаивать под пар свои перелог в высокогорных урочищах?

Другой вопрос, касающийся целевого содержания системы земледелия, связан с правильным выбором в качестве главной цели именно воздействия на плодородие почвы. В цитированном нами словаре содержание системы рассматривается в более широком плане: «Комплекс взаимосвязанных технологических, мелиоративных и организационно-экономических мероприятий, направленный на эффективное использование земли, восстановление и повышение плодородия почвы, получение высоких и устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур» (59. С. 502). Таким образом, в систему включены три задачи-действия: эффективное использование земли, восстановление и повышение плодородия почвы, получение высоких и устойчивых урожаев.

Для крестьянина главным является получение урожая, причем не один год, а постоянно. Поэтому в формулу эффективного использования земли надо внести поправку эффективного и рационального, так как крестьянину необходимо принимать меры для того, чтобы эффективность использования была долгосрочной, иначе можно в один год выжать из земли все соки (эффективно?), но лишиться возможности получать с нее урожаи в последующие годы.

Неопытный крестьянин (или бедный, которому нужен скорый урожай) засеет весной участок яровой скороспелкой (например, просом); а осенью – озимой пшеницей. Опытный – оставит участок под пар и осенью тоже засеет озимью. Первый получит два урожая и истощит почву, на следующий год она уже малопродуктивна, второй получит урожай в меньшем объеме, причем более качественным зерном, и окажется и в экономическом выигрыше, и землю сохранит в нормальном плодородящем состоянии. Уже из этого примера практического земледелия ясно, что крестьянин думает при своем земледельческом занятии, при обработке земли прежде всего о высоком урожае.

Однако уже первые опыты земледельческой практики показали ему, что для того, чтобы иметь урожай каждый год, чтобы он был устойчивым (погодно, на годы), необходимо заботиться о сохранности плодородия земли и для этого надо давать ей передышку, «отдых». Поэтому-то первой осознанной системой для земледельца стал перелог, переходящий при достатке земель в залежь.

Идея удобрения навозом возникла позже, она могла созреть стихийно, при использовании перелогов в качестве выгонов для скота – эффект урожайности, получаемый при этом, вполне мог навести на мысль о специальном внесении навоза на вспахиваемые поля. Точно так же могла сложиться подсечно-огневая система от положительного эффекта урожайности освобожденных от лесной растительности лесными пожарами участков земли.

Таким образом, первым действием земледельца в своем стремлении иметь устойчивые урожаи было не удобрение, а замена истощенных участков другими, не использованными для распашки, затем и использованными, но вновь заброшенными. Иными словами, для получения хорошего урожая земледелец варьирует использование имеющихся у него пахотных (и пахотоспособных) угодий таким образом, чтобы

использованный участок отдохнул, а «отдохнувший» был использован для посева и получения урожая.

Почему-то во всех определениях или формулировках системы земледелия не указывается этот важнейший элемент системы, без него и системы-то, собственно, не существует.

Варьирование ставит цель иметь в наличии пахотный участок с достаточными для получения устойчивого урожая плодородными возможностями почвы. С этой же целью применяется и удобрение. Следовательно, есть главная цель – получение высокого урожая, но чтобы сделать его устойчивым, удерживающимся на средненормальном уровне в последующие годы, необходимо поддерживать на определенном уровне и плодородные возможности наличных используемых угодий. Для этого существуют два пути: варьирование использования участков по сезонам (и годам) и искусственное удобрение (в отдельных случаях и орошение).

Весь известный нам опыт дагестанского (и отчасти кавказского) земледелия, все полевые материалы в полном согласии с приведенными высказываниями специалистов говорят в пользу того, что формулировка «восстановление» плодородия почвы носит слишком жесткий характер, ограничивает полноту и емкость определения системы и потому требует определенной коррекции. Нельзя, невозможно исключить из практики и истории земледелия, из перечня систем, номенклатуры, номинаций паровую систему или трехполье, существовавшие веками и почитавшиеся за системы земледелия только потому, что они не восстанавливают плодородия почвы. Именно поэтому некоторые исследователи кавказского земледелия (например, Г. Джавадов) вместо формулы «восстановление плодородия» решили применить другую (правда, без особых комментариев или доказательств) – повышение производительности почвы (угодий, участка) (28.С. 32). Однако в этой формулировке есть изъян – в ней как бы принижается, затушевывается главное: все-таки содержание системы – воздействие на плодородие почвы. С другой стороны, формула «повышение производительности» позволяет без оговорок включить в содержание системы орошение, важнейший компонент интенсивного земледелия, особенно азиатского и восточного.

Мы уже ссылались на вполне резонное замечание отдельных исследователей (Я.В. Чеснов), что принятое определение (и понятие) системы земледелия больше основывается на материале и опыте восточно-европейского земледелия (и традиционного русского) «и отражает поступательное развитие земледелия в этом районе» (66. С. 60-70), в котором большое место занимали перелог, залежь, подсека и почти не было ирригации. Поэтому в существующих определениях системы, перечнях систем орошение не было отражено, не нашло места.

Объяснение подобного игнорирования, на первый взгляд, кажется неоспоримым: если главное в системе – восстановление плодородия почвы, то орошение этого не дает, но с другой стороны, вода содержит соли, очень часто, особенно в лиманном земледелии, это не просто вода, это вода с илом, т.е. фактически раствор удобрений. По подсчетам специалистов, в иле содержится в зависимости от пород, через которые просачиваются и проходят воды реки: калия – 0,13–0,64 %, фосфора – 0,12–0,52 %, азота – 0,17–2,16 %, карбонатов кальция и магния – 5–15 % (25. С. 47). И потом, достаточно элементарных знаний о выращивании сельскохозяйственных культур, особенно в местах с недостаточной увлажненностью, чтобы иметь представление о роли орошения в прибавлении урожая, главной цели и результативности системы земледелия.

Поэтому многие исследователи придают ему очень важное значение, даже выделяют оросительные системы земледелия. Надо сказать, что позиции ученых по данному компоненту разграничиваются весьма характерным образом: занимавшиеся земледелием стран (народов), например, Азии, с традиционно сложившейся высокоразвитой культурой орошения уделяют ему большое внимание и придают важное значение в структуре системы земледелия (например, В.В. Андрианов, Я.В. Чеснов, И. Мухитдинов, Г.Д. Джавадов, М.К. Гегешидзе, Г.А. Гулиев и др.), и, напротив, исследующие земледелие регионов со слабыми традициями орошения посвящают ему гораздо меньше места, а в связи с системами земледелия вообще не упоминают (Д.К. Зеленин, А.А. Шенников, В.М. Суринов, В.В. Когитин и др.). Все-таки, поскольку орошение содействует успешному решению задачи получения хорошего урожая, в т.ч. за счет повышения плодородия почвы, думается, правы те исследователи, которые включают ирригацию (полив) в компонентную структуру системы земледелия (исключая ирригационную сеть). Ведь орошение, как было сказано, несет не только воду (H₂O), в ней есть микроэлементы, соли, ил, а в некоторых случаях оно сочетается с удобрением

(оросительную воду пропускают через проницаемую преграду из навоза), в результате чего почва получает легко усваиваемое удобрение, к тому же быстро и глубоко проникающее в почву.

Тот, кто видел погибающие в летний зной посеvy кукурузы, а рядом мощные зеленые стебли на многократно вспаханном участке или зеленые поля политой кукурузы, должен знать, насколько способствует увеличению плодородящих возможностей почв орошение (и повторные вспашки). Что такое плодородие? «Совокупность свойств почвы, обеспечивающих урожай сельскохозяйственных растений», или еще определеннее: плодородный, включая плодородность, плодородие трактуется как «способный производить богатую растительность, давать обильный урожай (!)» (61. С. 1026; 49. С. 480).

Но если так, вода – один из важнейших элементов системы, обеспечивающий плодородящие возможности почвы. Какой еще элемент почвы превосходит воду в этом отношении? А если вода с илом? Ведь существует общеизвестная и общепризнанная лиманная система земледелия, использующая заливные пойменные земли, на которых благодаря этой самой воде обеспечено не только увлажнение, но и удобрение, а раз есть удобрение, А. Шенников, безусловно, признает такой комплекс мероприятий за систему земледелия. Есть, однако, и другой выход, о котором мы уже говорили: отказаться от слишком жесткого (прокрустова ложа) шенниковского понимания формы или степени воздействия на плодородие почвы и выбрать компромиссную и более приемлемую, с нашей точки зрения, формулировку – поддержание среднего уровня плодородия и производительности почвы (участка, угодия).

Остается один выход – ввести в понятие и структуру системы земледелия пункт о повышении не только плодородия почвы, но и ее производительности. Однако поскольку производительность почвы повышалась и другими способами, имеющими отношение и земледельческому циклу (например, прополка, прореживание, мотыжение), то надо постараться произвести введение этого пункта с четко акцентированной оговоркой. Разумеется, если бы не такое существенное значение ирригации в содержании и дифференцировании системы земледелия, можно было бы не утруждаться и не усложнять определение и понимание формулировки системы земледелия. Но дело именно в том, что ирригация коренным образом может менять структуру системы земледелия, поскольку, если даже прямо не повышает плодородия (хотя бывает в немалом числе случаев и это), она существенно увеличивает реализацию плодородящих возможностей угодий.

Особенно справедливо это замечание относительно земледелия регионов (областей), находящихся в пределах аридной зоны, к каковой относится и весь земледельческий Дагестан, Куро-Аракская равнина, Араратская долина и др.

Однако не будем при этом забывать и другой стороны: в отличие от варьирования использования участков, орошение и даже удобрение не всенепременный компонент системы, а как бы элемент второго порядка, носящий добавочный, дополнительный характер. Одна из наиболее распространенных в прошлом древнейшая система – переложная, и особенно переложно-залежная, характеризовалась, как известно, полным отсутствием орошения (и удобрения). Поэтому главным в системе, ее основой является варьирование во времени и пространстве (посезонно, погодно) интенсивности использования в земледельческом производстве фонда (совокупности) пахотных и пахотоспособных угодий (участков) земледельца.

В итоге этих предварительных замечаний напрашивается вывод, что в системе земледелия главным является получение устойчивого (высокого, средненормального) урожая на протяжении нескольких лет, и главными средствами (действиями) для достижения этой цели служат пространственно-временное варьирование интенсивности использования пахотных (и пахотоспособных) участков и поддержание среднего уровня плодородящих возможностей (ресурсов) участков, их производительности с использованием при этом искусственного удобрения и ирригации.

Необходимо подчеркнуть, что мы, в отличие от определений системы многих авторов, особенно советского времени, в которых большое место занимают социальные моменты (мотивы) (8. С. 160 сл.), не стали вводить в содержание системы элементы социального порядка. В этом отношении мы полностью солидаризуемся с А. Шенниковым, который считает систему только технологической структурой, не имеющей отношения к социально-экономическим формациям (69. С. 6). Социальный аспект, социальное содержание, элементы социальной структуры, приписываемые системе земледелия, имеют место не в самой системе, не в ее структуре, компонентном и целевом содержании, а во внешних условиях, факторах, обуславливающих выбор

определенной системы, ее бытование, функционирование, место среди других систем и удельный вес, обыкновенную распространенность, наличие-отсутствие, бытие-небытие и т.д. В ряду этих условий – факторов (обстоятельств) следует в первую очередь назвать комплекс компонентов типа земледелия, которые в большой степени выступают как факторы-регуляторы воздействия, во многом определяющие извне выбор системы, ее характер и соотносительное бытование систем, их распространение, изофункциональную картину бытования. Они обеспечивают исходный материал, экологические параметры, основные средства производства. В связи с последним, особенно количеством и характером угодий, находится следующий фактор – достатка пахотных (и пахотоспособных) угодий и демографической ситуации, иными словами, малоземелья и земельной тесноты, плотности населения.

В зависимости от последнего складывается ситуация со следующим фактором – экономическая ситуация, достаток собственного хлеба (зерна), общественное разделение труда в масштабах (на уровне) региона, области, района.

Обилие или дефицит хлеба и других основных продуктов и ремесленных изделий у соседей существенным образом определяют изопрагму систем земледелия.

Например, на демографический фактор, выражающийся в степени плотности населения и соответственно достатке земельных угодий, обращают внимание все исследователи, ставя от него в зависимость бытование той или иной системы или совокупности систем. Довольно настойчиво проводит аргументацию в пользу этого положения Я.В. Чеснов, в то же время мы помним, что А.А. Шенников выступает против всякой «социализации» системы земледелия, считая ее чисто технологической категорией (элементом технологии). Вместе с тем отметим, что положение о влиянии демографического давления на характер и форму (и продолжительность бытования) определенных систем земледелия поддерживает и такой авторитетный специалист по истории хозяйства, как Ф. Бродель. Ссылаясь на суждение Э. Бозерана, он утверждает, что при подсечно-огневой системе «любое увеличение числа ртов, которые нужно кормить, наталкиваясь на ограниченность территории, влечет за собою сокращение времени под залежью, оставляемой ради восстановления леса» (14. С. 191). Исследующий земледелие Поволжья В.В. Когитин, отдавая в складывании системы предпочтение экологической ситуации (бытование «определялось, конечно, природно-климатическим фактором»), при этом признает «определенное воздействие» «социально-экономической и демографической ситуации в регионе» (36. С. 120). Даже А.А. Шенников, такой решительный поборник технологической характеристики системы земледелия, вынужден был признать существенную роль фактора плотности населения, в частности, именно с нею он связывает предпосылки роста удельного веса паровой системы земледелия в Европейской России (70. С. 76).

Рассмотрим обе позиции. Есть определенные, традиционно вполне сложившиеся, общепризнанные системы земледелия, существование, бытование которых определяется именно демографическим фактором, плотностью населения, соотношением между плотностью и количеством пахотоспособных угодий. Такова, например, переложно-залежная система, распространение которой связано и обусловлено обширными степными пространствами с плодородными целинными пахотоспособными угодьями с мощными задернованными почвами, открытыми для свободного, неограниченного пользования (как в отношении права пользования, так и отсутствия препятствий, например, кочевого скотоводства).

Помимо чисто природно-географических условий, способствующих и обуславливающих эту систему, важное, во многих случаях определяющее значение для нормального и эффективного (результативного) обеспечения ее функционирования (т.е. с длительными переложьями, залежами) имеет избыток пахотоспособных угодий, непосредственно сопряженный с невысокой плотностью населения. Стоит ей возрасти, что неизбежно в условиях развивающегося общества, как сроки «отдыха» угодий начинают сокращаться и целина превращается в залежь, последняя – в перелог, а он – в пар-перелог, и переложно-залежная система переходит в удобрительную или паровую, или оросительную в зависимости от целого ряда и других обстоятельств, в т.ч. экономических. Дагестанская равнина и предгорье знают много подобных примеров. Такое же перерождение систем земледелия происходило, к примеру, в XVIII–XIX вв. и на обширных равнинах Северного Кавказа.

Обстоятельство подобного воздействия демографического фактора на распространенность систем земледелия общеизвестно, и оно часто отмечалось в литературе, в т.ч. этнографической. А поскольку воздействие, влияние, обуславливание

существует, постольку возникли и попытки объяснить это влияние, ввести эту обусловленность в перечень критериев – признаков системы земледелия, составляющих ее содержание и структуру. Однако при этом упустили из виду одно существенное обстоятельство – плотность населения влияла на характер земледелия, а не системы земледелия, на распространенность определенных систем земледелия, их бытование, удельный вес в общей совокупности применяемых систем. Изменение внутри системы с ростом плотности населения, правда, происходит, но только количественное (изменение, сокращение срока залежи). Но само содержание системы не меняется до определенного предела, и тогда происходит перерождение одной системы в другую, замена одной системы другой. Поэтому было бы, на наш взгляд, правильнее рассматривать демографический фактор не как критерий – признак содержания системы, а как фактор, обуславливающий бытование, распространение, удельный вес разных систем земледелия в данном районе, их соотношение, степень «встречаемости». В свете сказанного представляется, что нет необходимости включать демографический фактор в перечень обуславливающих понятие и содержание системы земледелия признаков-критериев, отдавая ему, однако же, роль фактора, регулирующего бытование определенных систем, их удельный вес и соотношение.

И, наконец, остановимся на факторе, который весьма популярен в литературе о земледелии и вообще хозяйстве, экономике, – социальном.

Его роль в распространенности, соотношении и удельном весе систем немаловажна. Социальное положение земледельца, его экономические, земельные и производственные ресурсы нередко выступают на первый план и решающим образом определяют выбор и экономическую эффективность системы (например, вынужденная система уплотненного использования наличных пахотных угодий без перелога и даже пара). Я.В. Чеснов приводит пример из книги И. Мухитдинова о том, что паровая система была недоступна для части крестьян памирских таджиков, т.к. ее применению препятствовало социальное неравенство, отсутствие экономических возможностей у земельной бедноты оставлять земельный участок под пар или тем более перелог. И бедные крестьяне вынуждены были мириться с таким положением, хотя им отлично известно, к каким последствиям приводит беспаровое (и беспереложное) земледелие на всей наличной пахотоспособной земле. Часто социальный фактор накладывает на демографический, и тогда он приобретает еще большую остроту и может нарушить всякие выработанные веками традиции разумного, осмысленного ведения земледельческого хозяйства с применением наиболее соответствующих данной местности (рельеф, экосистема, традиционное орудие – т.е. тип земледелия) систем земледелия. Подобная острая ситуация была в нагорном Дагестане, которая усугублялась еще немаловажным обстоятельством необходимости употреблять часть навоза на топливо (кизьяк).

Однако, как и в случае с демографическим фактором, который, кстати, однородного свойства с социальным, и они, дополняя друг друга, усугубляют положение, обостряя ситуацию разлаживания традиционно сложившегося механизма разумного сочетания элементов разных систем земледелия, «социальный» фактор также не является ее специфическим, дифференцирующим признаком и поэтому не входит в перечень содержательных критериев системы земледелия. Но все же он играет важную роль (как и демографический фактор) в степени распространенности разных систем, в их соотношении, изофункциональной картине бытования систем земледелия в районе.

Думается, что на этом можно закончить разбор признаков-критериев системы земледелия как категории земледельческой культуры. Эти признаки составляют содержание системы земледелия, определяют объем ее понятия, характеризуют основные, входящие в него компоненты. Полагаем, что на основе рассмотренных критериев можно дать определение понятия системы земледелия, ее формулировку.

Напомним перечень признаков-компонентов. Главный из них – варьирование способов и интенсивности использования земли (пахотоспособных угодий) для воздействия на плодородие почвы, затем удобрение угодий, орошение. В качестве условий, влияющих на характер и бытование (соотносительное) систем земледелия, выступают тип земледелия, демографическая и экономическая ситуация и социальное положение земледельцев.

Попытаемся на их основе сформулировать определение системы земледелия. Разумеется, оно не претендует на «истину в последней инстанции», это просто наше понимание этой категории земледельческой культуры, представляющее один из вариантов ее этнографической интерпретации. Итак, система земледелия – это совокупность взаимосвязанных организационных и агрометеорологических мероприятий

земледельца, призванных обеспечить рациональное и эффективное использование пахотоспособных угодий для получения устойчивых урожаев в перспективе посредством сохранения (восстановления) плодородия почвы и производительности земли путем пространственно-временного варьирования способов и интенсивности утилизации угодий, а также применения удобрений и орошения.

В основе системы лежит, конечно, варьирование методов и интенсивности их использования – это главный способ (средство) воздействия на плодородие почвы, будь то пар, перелог, залежь и даже севооборот или плодосмен. Другое дело, что в самих этих средствах есть и более эффективные, результативные (например, залежь), и менее (например, севооборот). И выбор этих средств во многом определяется обстоятельствами, которые не имеют непосредственного (технологического) отношения к системе земледелия: тип земледелия (угодье, орудие), торгово-экономическая ситуация и разделение труда в регионе, демографический и социальный факторы, связанная с ними земельная теснота и достаток пахотоспособных земель и др.).

Эти факторы являются обуславливающими характер, бытование и соотношение систем земледелия в регионе (области, районе), хотя в содержание и структуру последних они не входят.

В заключение остановимся коротко на классификации (перечне) систем. Фактически (и даже практически), если не считать довольно подробных классификаций в сельскохозяйственной науке, в этнографии научно обоснованных, аргументированных классификаций систем земледелия почти нет. Есть описания отдельных систем, есть перечни, даже описания и исследования систем и их эволюции, но нет классификаций, особенно типологических, и тем более системных, в которых были бы систематизированные ряды, сформированные на основе определенных критериев, будь то единичных или их комплексов (критериумов). Большинство исследователей, уделяя мало внимания определению системы земледелия, тем самым закрывают возможности классификации и поэтому не особенно о ней пекутся. Впрочем, это объяснимо: нельзя создать классификационный ряд, не имея (не сделав попытки) четкого определения предмета (объекта) исследования. Точно так же и в кавказоведческой литературе немного классификаций систем, что не удивительно, поскольку делалось мало попыток дать определение системы земледелия, выяснить ее целевое и компонентное содержание. А без этой необходимой первоначальной процедуры не может быть произведена классификация.

В перечне одного из лучших знатоков традиционной земледельческой культуры русских – Д.К. Зеленина мы видим подсечную систему (в лесных районах) и залежную - в степных. Он называет их старыми системами, а для XIX в. господствующей – трехполье (озимые, яровые, пар), в некоторых областях констатирует многополье и севооборот. Из не признаваемых А. Шенниковым мы видим у него пар и севооборот, о которых он говорит мало, больше внимания уделено подсеке (29. С. 37–39).

У С.А.Токарева с не очень внятным определением системы как «способов использования земли» (пропуск одного слова – «плодородия» искажает смысл определения) указаны в перечне подсечно-огневое хозяйство, переложная (или залежная) система, «более культурные системы земледелия – паровые, основанные на правильном чередовании посевов и пара и на применении удобрения. Из них наиболее распространена была у русских трехпольная система» (с XVI в.). С концом XIX в. он связывает появление многополья и плодосменной системы, а затем травопольной (64. С. 37-38). Все в рамках классических описаний земледельческой культуры, даже такие «незаконные» с точки зрения некоторых исследователей системы, как паровая, трехпольная и плодосменная, приобрели у него «законную силу», так как он увязывает их с удобрением.

Во всех других работах перечни близки, повторяют друг друга. В последней обобщающей капитальной этнографической работе по русским относительно распространенности («географии» по выражению автора) систем сказано: «В XIX в. основными системами земледелия оставались паровая, лесопольная и залежная ... Самая распространенная паровая система ... была представлена трехпольем с его классическим набором культур» (18. С. 175).

Теперь остановимся на классификации А. Шенникова, одной из немногих, основанной на четком определении и выверенном целевом компонентном содержании, следовательно, и логически обоснованной. Принцип деления очень простой – восстанавливающие плодородие без применения удобрений и с удобрениями системы, а именно: 1) переложные 2) с удобрением и 3) разные их комбинации. В основу классификации положена простейшая и древнейшая система – переложная. Так, для

восточной Европы и Сибири в XIX–XX вв. он определяет следующие системы: 1) простые переложные с применением пахоты (залежная в степной и лесостепной полосе, подсечно-огневая в лесах), 2) сложные переложные (залежно-паровая в лесостепной и лесополосно-паровая – в лесной части), 3) комбинированные системы – «часть земли, ближайшая к усадьбе, удобрялась, а на более удаленных полях плодородие восстанавливалось перелогом» (69. С. 5,7,8).

Все довольно ясно, четко и определено. Но только до известных пределов. В России XIX в. трехполье на базе паровой системы преобладало в земледельческом хозяйстве, а в этой классификации ему не нашлось места.

Далее. Непонятна загадочная фраза «простые переложные с применением пахоты». Разве бывает система, в которой пахота не применяется? Скорее всего, здесь речь идет о вспаханном перелог, т.е. паровом перелог, явном доказательстве большого значения и роли пара, который применялся даже при перелог.

И еще. Как быть с совокупностью действий, которые предпринимаются в теплых и жарких странах, засушливых местах, где требуется не только паровая обработка, но и орошение? Как охарактеризовать систему, которая невозможна без орошения, или систему, которая сама вызвана к жизни стихийным «орошением», на которой базировалось земледелие крупнейших цивилизаций Передней Азии, Китая, Индии, Египта и др.?

Вот почему исследователи отмечали уозсть документальной (объектно-материальной) базы классификационных построений А. Шенникова. Она включает земледельческую практику и эволюцию восточно-европейского земледелия и по большей части малоэффективна для земледельческого хозяйства и земледельческой культуры других климатических поясов и географических провинций, характеризующихся иным, отличающимся комплексом природно-географических условий.

Еще один вопрос касается так называемых комбинированных систем, в которых ближние пахотные участки удобряются, а на дальних для восстановления плодородия применялся перелог. Но даже по классификации А. Шенникова это две разные системы – удобрительная и неудобрительная. Система – это прежде всего варьирование участками, и в данной комбинации два варианта – пар с удобрением и перелог. И от того, делает это один хозяин или группа хозяев, они не могут слиться в одну комбинацию, так как не связаны ни территориально, ни организационно, ни структурно, они не являются единым механизмом или организмом. Это две системы, каждая со своей структурой и номинацией, но существующие в одном хозяйстве или в рамках сельскохозяйственной округи поселения.

Пример этой комбинированной системы лишней раз убеждает нас в том, что в основе системы земледелия лежит варьирование использования угодий, а удобрение и орошение обуславливают разделение систем на виды и разновидности, это как бы дополнительные индикаторы той или иной системы. Так, например, перелог по природе своей не предусматривает удобрения, он относится к неудобрительным системам, но в высокогорных районах Кавказа практиковался годовой перелог, который при малейшей возможности удобрялся хотя бы постоем скота (обычно овец). В результате в одной из важнейших базовых систем – переложной, образуется новая разновидность – перелог с удобрением или удобряемый перелог.

Отметим, что для горных стран, характеризующихся, как правило, малоземельем, недостатком пахотоспособных угодий, характерно стремление по возможности максимально унавозить землю. Причем именно для нагорий характерно и косвенное удобрение, обусловленное трудностями доставки удобрений (органики) к труднодоступным участкам. Для этого используется дополнительная вспашка сорняков, специальный зимний полив для превращения сорняков в перегной, выпас скота по пару или перелог и др. При характеристике систем его надо отличать от прямого удобрения – завоза навоза в поле, специального постоя овец.

Несмотря на перечисленные недочеты и упущения, мы должны признать, что группирование систем земледелия А. Шенникова – это наиболее четкая и продуктивная классификация, и нам придется считаться с этим и использовать ее, но с определенными поправками и дополнениями, которые позволят расширить систематизирующие возможности классификации. Пока что на базе дагестанского и известного нам материала из других регионов мы сочли целесообразным выбрать в качестве базовых три системы – перелог, пар и подсеку. Недостаток этого группирования – в нем не задействован такой важный элемент, обеспечивающий плодородие почвы, как удобрение, которому принадлежит решающее место в классификации А. Шенникова. Однако выше мы

указывали на то обстоятельство, что главным моментом в системе земледелия является варьирование использования угодий, которое определяет и основное содержание, и номинацию системы.

А удобрение и орошение выступают в качестве дополнительных элементов, не всегда обязательных для каждой системы, однако способных в отдельных случаях приобрести решающий характер, определяющее значение.

Таким образом, мы предлагаем считать основными базовыми системами земледелия переложную, паровую, подсечную. Выбор, перечень, соотношение, сочетание систем обуславливают фоновые факторы, обстоятельства: тип земледелия (угодье, пахотное орудие) с экологией, демографическая ситуация и достаток земельных угодий, экономическая обстановка и общественное разделение труда, социальное положение земледельца.

В зависимости от выдвижения в конкретных обстоятельствах на первый план одного из трех компонентов системы (варьирование использования, утилизации угодий, удобрение, орошение) и действия фоновых факторов (ситуаций) они подразделяются на подсистемы: переложно-залежная; переложно-двухпольно общесельская; переложная трехпольная комбинированная; паровая; паровая севооборотная; уплотненного варьирования; подсечная; лиманная.

В кавказоведческой литературе, как указывалось, было мало попыток сформулировать определение системы земледелия, соответственно не производилась и классификация систем.

По этой причине наблюдается разноречивость в номинациях систем, многозначность наименований одних и тех же систем, номинационная пестрота и противоречивость.

Так, например, в капитальной работе Б.А. Калоева по земледелию народов Северного Кавказа приводится такой перечень систем (ни определения, ни классификации нет): подсечная, переложная, трехпольная, чередование культур. Но в таблицах этой же книги перечень отличается: подсечная, плодосменная, переложно-залежная, террасное земледелие (34. С. 53, 226, 227). В перечне патриарха грузинской этнографии Г.С. Читая мы видим: залежная (или подсечная), - но ведь это совсем не одно и то же (просто один из видов подсеки может быть залежным), - переложная, паровая, глубокая вспашка (!) (67. С. 109–111). Полностью присоединяется к классификации Г.С. Читая и без изменений приводит его перечень и Н.А. Брегадзе (13. С. 76).

При всем нашем уважении к выдающемуся грузинскому этнографу, вынуждены выразить свое несогласие с отдельными положениями его классификации. Во-первых, нельзя ставить знак равенства между залежной и подсечной системами. При залежи земледelec просто оставляет участок без обработки, никаких других мер не предпринимая. При подсечной – земледelec тратит много усилий, труда, чтобы подготовить для посева участок, причем имеется в виду и обязательное сопутствующее удобрение. Правда, на последующем этапе, когда участок истощается (в основной форме подсечной системы), следует залежь, но с перспективой на новый вырост древесной растительности и повторную подсеку. Таким образом, залежь здесь – одна из сторон подсеки в отличие от другой формы подсечной системы, при которой очищенный подсекой участок сразу же становится составным элементом профилирующей системы, например, паровой, и поэтому характерен для малоземельных мест. Первую форму мы условно называем подсечно-залежной, вторую – подсечно-паровой (или угодийной, так как главное здесь – создать и прирастить новый клочок пахотоспособной земли к имеющимся угодиям), есть и третья форма – подсечно-террасная.

Непонятно также выделение отдельных двух систем – залежной и переложной. Ведь первая является одним из вариантов второй, не случайно существует определение «переложно-залежная», означающее, что в этой системе перелог переходит в залежь, существует в виде залежи.

Некорректно также выделять в качестве системы «глубокую вспашку». Единственное ее отличие от паровой заключается, по автору, в том, что применяется отвальный плуг.

Вообще мы считаем, что увязывание системы земледелия с определенными типами пахотных орудий – наиболее слабое место классификации Г.С. Читая. Например, залежную систему он связывает с «черкушкой» и «яремым» по его классификации орудием, т.е. с ралами, при одной паре быков. Практически это абсолютно невозможно: рало с одной парой быков и двинуться не сможет по залежи. Единственное используемое здесь орудие – передковый отвальный плуг с многопарной упряжкой. А паровая система

связывается с передковым (без отвала) плугом. Между тем во всех горных областях Кавказа применялась паровая система, и единственным их орудием было рало.

Совершенно искусственной представляется нам переложная система с грядильными пахотными орудиями (ралом). Перелог имеет много подвидов, в том числе залежный, и рало в этом случае неприменимо.

Общий недостаток классификации заключается, по нашему мнению, в том, что маститый исследователь не учитывает, что одни и те же системы по необходимости бытовали во всех природных зонах и разных ландшафтах и что использование разных типов пахотных орудий связано не с системами земледелия, а с ландшафтными особенностями пахотных угодий, то есть с типом земледелия.

А.И. Робакидзе дает, казалось бы, существенно отличающийся перечень, но он касается земледелия вообще, и определение (наименование) «система» не упоминается (подсечное, террасное, навозное и оросительное земледелие), хотя он присоединяется к классификации Г.С. Читая и полностью ее повторяет. Уязвимость этой классификации обнаруживается, когда автор переходит к конкретной характеристике высокогорных районов Грузии, в том числе Верхней Сванетии, и относит господствующую там систему к первой группе «с преимущественно подсечной системой земледелия и соответствующими пахотными орудиями». Но основное название первой группы, которое приводит автор, – залежная (система). Если даже допустить, что имеется в виду подсечная, но залежная система, могут быть серьезные сомнения в возможности существования в высокогорной Грузии залежной подсеки, это практически невозможно при изрезанном рельефе лесных пространств высокогорий, а возможна лишь подсечная система, имеющая целью приращение пахотных участков, т.е. «подсечно-угодийная» (56. С. 52).

В перечне же М.В. Кантария нечеткость в определении целевого и компонентного содержания системы привела к смешиванию в системе компонентов типа земледелия, системы и земледельческого цикла.

Присоединившись к классификации Г.С. Читая, она приводит свое толкование его понимания системы земледелия и перечня систем: Г.С. Читая определил «характерные формы горных и равнинных хозяйств и, разработав метод их сравнения, установил основные показатели форм культуры, объективно присущие хозяйствам каждой полосы ... Тем же сравнительным методом определяет системы земледелия, представляя их в следующем виде: 1) в местах распространения полбы применяется рало, земля взрыхляется без отваливания; 2) в местах распространения безостой пшеницы – большой плуг с отвалом; 3) в местах распространения ржи – яремное орудие и плуг с длинным грядилем, происходит черкание земли» (заметим, что в подтверждение своей интерпретации автор ссылается на работу Г.С. Читая, опубликованную на грузинском языке) (68). Вот такая классификация, а обширность цитаты вызвана необходимостью полной наглядности в изложении интерпретации автором понятия системы земледелия. Другой не совсем удачный пример понятия системы и классификации систем мы находим у Т. Алибердова, также находящегося под влиянием интерпретаций Г.С. Читая. По автору, на основании «данных о земледельческих орудиях можно установить» системы земледелия: 1) подсечная обработка почвы способом «взламывания» и 2) переложная (в процессе распашки отрезанные пласты земли откладываются в ряд). В связи с этими системами земледелия у адыгов существовали два вида пахотных орудий - взламывающее почву и передковое с отвалом, производящее отрезание пластов и глубокую вспашку (4. С. 119). Интересно получается: на основании орудий устанавливаются системы, которые «взламывают» и «отрезают», а в следственной связи с этими системами находятся опять орудия, которые тоже «взламывают» и «отрезают».

Несколько ближе к предложенной нами классификации стоит перечень Г. Джавадова: подсечная, чальная (лиманная), залежная, паровая с севооборотом (28. С. 32). Другой азербайджанский этнограф, Г. Гулиев, приводит такой перечень систем: чальная (лиманная), залежная, переложная, паровая. Заметим, что и он относит к залежной подсечную систему, сделав к ней специальное примечание: «... в двух ее модификациях: собственно залежной и подсечной (огневой) в лесных районах». О нежелательности такого смешения мы говорили в связи с перечнем систем Г.С. Читая, полным последователем которого является Г. Гулиев; об этом свидетельствуют и перечень систем, и интерпретация залежной системы, и заявление о том, что «каждой системе соответствовали свои пахотные орудия» (27. С. 22; 26. С. 49–50). Можно к упомянутым номинациям прибавить еще несколько наиболее оригинальных, встречающихся в литературе: беспаровая, залежно-переложная, четырехпольная, террасно-подсечная,

подсечно-террасная, подсечно-залежная, удобрительная, орошаемая, трехпольная залежная и др.

По-видимому, следует повторить, что подобный разнотип не означает многообразия в самих системах, в их целевом и компонентном содержании. Напротив, многое в системах в разных местах и у разных народов имеет сходные черты, делающие их однотипными и дающими право обозначать их одними и теми же номинациями. В этой связи встает вопрос об истоках, причинах и обстоятельствах, обусловивших эту схожесть при достаточно выраженной на Кавказе этнической пестроте.

Иными словами, надо попытаться проследить, как и каким образом, под воздействием каких факторов и причин происходил процесс зарождения и интеграции культурных феноменов через селекцию, модификацию и интеграцию к превращению в органическую часть культурной подсистемы (11. С. 41; 43. С. 21). По этому вопросу мы опять солидаризуемся с А. Шенниковым, который пишет, что культурная традиция любого характера, в том числе получившая название «народной», совсем не обязательно является этнической, она может быть традицией любой группы населения, «выделенной не по языку и этносу, а по другому признаку» (72. С. 104–105), например, географическому, хозяйственному, промысловому и т.п. Например, грузинский этнограф А.И. Робакидзе, на которого мы ссылались, выделив в Грузии на базе ряда компонентов культуры три хозяйственно-культурных ареала (западный, восточный, горный), подчеркивает: «Ни по уровню развития этих элементов культуры и быта, ни по разнотипности их форм приведенная нами схема не укладывается в рамки племенного деления, она покоится на общностях принципиально иного типа» (55. С. 29). Общность, базирующаяся на хозяйственных связях, приоритетна по сравнению с общностью этнической, и поэтому культура, особенно материальная, «имеет сравнительно слабо выраженные этнические черты». Одновременно мы можем видеть дифференциацию культурных феноменов разных частей этноса, обитающих в разных природных условиях, и сходство феноменов разных этносов со схожей средой и хозяйством (37. С. 44–45; 38. С. 51; 62 С. 53; 9. С. 34). Следовательно, «взаимосвязи человека и среды в конечном счете оказываются сильнее этнокультурной традиции» (73. С. 242). Отсюда следует еще один вывод – этнографию надо изучать не только по народам, но и по элементам культуры многих народов в двух основных срезах - вертикальном и зональном (71. С. 55–56).

Таковы некоторые наши соображения относительно содержания, понятия и определения системы земледелия, классификации и перечня систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин. XIX – нач. XX в. М., 1978.
2. *Агларов М.А.* Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988.
3. Агулы (сборник статей по истории, хозяйству и материальной культуре). Махачкала, 1975.
4. *Алибердов Т.Д.* Адыгейские земледельческие орудия XIX и нач. XX в. // Уз Ад. НИИЯЛИ. Т. IV. Краснодар, 1965.
5. *Амирханов Х.А.* Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюзного симпозиума. Ереван, 1992.
6. *Амирханов Х.А.* Чохское поселение – памятник становления производящего хозяйства в Дагестане // Природа, 1982, № 5.
7. *Амирханов Х.А.* Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987.
8. *Андрянов Б.В.* Конференция по изучению систем земледелия (история и современная практика) // СЭ, 1973, № 4.
9. *Андрянов Б.В.* Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана. I Серия «Народы мира. Этнографические очерки». М., 1962.
10. *Антонова Е.В.* Комментарий // Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.
11. *Арутюнов С.А.* Инновации в культуре этноса и их социально-экономическая обусловленность // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
12. *Бериашвили Л.К.* Полеводство в Месхети (по этнографическим материалам). Тбилиси, 1973.
13. *Брегадзе Н.А.* Очерки по агроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982.

14. *Бродель Фернан*. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV- XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
15. *Булатова А.Г.* Лакцы (XIX – нач. XX в.) Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971.
16. *Булатова А.Г.* Лакцы. Историко-этнографическое исследование (XIX – нач. XX в.). Махачкала, 2000.
17. *Вавилов Н.И., Букинич Д.Д.* Земледельческий Афганистан // Избр. труды акад. Н.И. Вавилова. Т. 1. М.–Л., 1959.
18. *Власова И.В.* Традиционная земледельческая и промысловая культура // Русские. Серия «Народы и культуры». М., 1997.
19. *Гаджиев М.Г.* Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
20. *Гаджиев М.Г.* Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Тез. докладов. М., 1974.
21. *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991.
22. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.
23. *Гаджиева С.Ш., Османов М. О., Пашаева А.Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967.
24. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов. М., 1967.
25. *Гегишидзе М.К.* Орошаемое земледелие в Грузии (опыт историко- этнографического исследования). Тбилиси, 1990.
26. *Гулиев Г.А.* Земледельческая культура Азербайджана. Баку, 1968.
27. *Гулиев Г. А.* О пахотных орудиях и системах земледелия в Азербайджане // Азерб. этнографический сборник. Вып. 2. Баку, 1996.
28. *Джавадов Г.Д.* Народная земледельческая техника Азербайджана. Баку, 1989.
29. *Зеленин Д.К.* Восточно-славянская этнография. М., 1991.
30. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX в. М., 2004.
31. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVІІ в. М., 1988.
32. *Калантар А.А.* Состояние скотоводства на Кавказе // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т. II. Тифлис, 1899.
33. *Калмыков И.Х.* Черкесы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1974.
34. *Калоев Б.А.* Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
35. *Кантария М.В.* Экологические аспекты традиционной хозяйственной культуры народов Северного Кавказа. Тбилиси, 1989.
36. *Когитин В.В.* Системы земледелия у русского населения Нижнего Поволжья второй половины XVIII – XX в. // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995.
37. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1963.
38. *Козлов В.И.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // СЭ, 1970. № 6.
39. *Котляревский П.В.* Экономический быт государственных крестьян северной части Кубинского уезда Бакинской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края (МИЭБГКЗК). Т. II. Ч. 1. Тифлис, 1886.
40. *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.
41. *Краснов Ю.А.* Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975.
42. *Мамбетов Г.Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
43. *Маркарян Э.С.* Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры.
44. *Массон В.М.* Поселение Джейтун (Проблемы становления производящей экономики) // МИА, 180. М.-Л.
45. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии) Л., 1976.
46. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967.
47. *Мерперт И.Я.* Неолитическая революция и ее памятники. Предисловие // Мелларт Д. Указ. раб.
48. *Нарциссов В.П.* Научные основы систем земледелия. М., 1976.
49. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1973.

50. *Османов М.О.* К определению типа земледелия и его места в земледельческой культуре и хозяйственно-культурном типе (постановка вопроса) // Вестник ДНЦ РАН. Вып. 6. Махачкала, 2000.
51. *Османов М.О.* Некоторые вопросы традиционной земледельческой культуры Дагестана (и Кавказа) // Историческая наука Дагестана: сегодня и завтра. Тез. докл. научн. сессии. Махачкала, 2003.
52. *Османов М.О.* О системе земледелия (К вопросу об уточнении целевого и компонентного содержания) // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения. Кр. содерж. докл. СПб., 2001.
53. *Османов М.О.* Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX – нач. XX в. М., 1990.
54. *Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX в.) Махачкала, 1996.
55. *Робакидзе А.И.* Жилище и поселение горцев Грузии в прошлом и настоящем // КСИЭ, 36, 1962.
56. *Робакидзе А.И.* Основные черты хозяйственного быта в Сванети. Тбилиси, 1990.
57. *Сабурова Л.М., Торэн М.Д.* Системы земледелия и сельскохозяйственные культуры у русских крестьян в середине XIX – нач. XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – нач. XX в.). М., 1967.
58. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. Материальная культура. М., 1989.
59. Сельскохозяйственный энциклопедический словарь. М., 1989.
60. Система ведения сельского хозяйства Армянской ССР. Ереван, 1975.
61. Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
62. *Суринов В.М.* К определению этнических традиций в земледелии // СЭ, 1975, № 3.
63. *Суринов В.М.* Система земледелия как объект и элемент научно-исторического исследования // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин, 1971.
64. *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. М., 1958.
65. *Хашиаев Х.М.* Общественный строй Дагестана. М., 1961.
66. *Чеснов Я.В.* Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии // СЭ, 1972, № 4.
67. *Читая Г.С.* Земледельческие системы и пахотные орудия Грузии // Вопр. этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952.
68. *Читая Г.С.* Этнографическая экспедиция в Картли 1948 года. Тбилиси, 1949. Т. I. (на груз. яз).
69. *Шенников А.А.* Крестьянские усадьбы среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977.
70. *Шенников А.А.* Необходимые разъяснения // СЭ, 1973, № 4.
71. *Шенников А.А.* О понятии «этнографический комплекс» // Доклады географического общества СССР. Вып. 3. Этнография. Л., 1967.
72. *Шенников А.А.* Распространение животноводческих построек у народов Европейской России // СЭ, 1968, № 6.
73. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М., 1981.
74. *Ягодынский П.М.* Экономический быт государственных крестьян в Бакинском уезде // МИЭБГКЗК. Т. II. Ч. 4. Тифлис, 1885.